

Ставропольский край
Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
2022/23 учебный год
Литература
11 класс

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения – 270 минут. Вы выбираете ОДИН вариант из предложенных (анализ поэтического ИЛИ прозаического текста). Творческое задание – обязательно.

Максимальный балл за оба задания (анализ текста и творческое) – 100 баллов.

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваши ответы;
- не забывайте, что единственно верного ответа не может быть, важно, чтоб ответ соответствовал заданию и критериям, опираясь на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительна и аргументирована;
- после выполнения всех заданий обязательно проверьте себя.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ
(целостный анализ художественного текста)

Вариант 1

Внимательно прочтите текст и дайте его целостный анализ. Почему он так называется? Что вы знаете об этом жанре? Определите тему и идею предложенного произведения, охарактеризуйте систему персонажей, сюжетно-композиционные особенности, язык и стиль. Как вы понимаете последнее предложение рассказа?

Максимальный балл – 70 баллов

Елена Долгопят
Рождественский рассказ

Без четверти час Алексей Степанович поднялся со скамейки и отправился к эскалатору. Ему казалось, что он невидим. Люди обнаруживали его только при столкновении.

– Простите.

– Ничего.

Метро к Новому году не украшают, не развешивают серебряные гирлянды и стеклянные шары, не пахнет в метро снегом и мороженым, оттаявшими елками, воском, праздником. Метро – суровое место. Грохочут поезда, сквозняки раскачивают люстры на тяжелых цепях... Говорят, раньше в метро были буфеты с шампанским и черным шоколадом, но не прижились.

Эскалатор вынес Алексея Степановича из-под земли. На улице было темно от тающего снега, ветрено. Алексей Степанович поднял воротник старого драпового пальто и побежал через скользкую дорогу в подворотню. В стене была железная дверь. Он взялся за ручку.

Дрожащий Алексей Степанович очутился в теплых потемках и перевел дух. Уже не спеша он поднялся на пять ступенек, отворил вторую дверь и очутился в светлом маленьком вестибюле. Вахтер за столом читал газету и курил. Сизый дым поднимался.

– Добрый день, – сказал Алексей Степанович.

– Добрый день, – откликнулся вахтер и стряхнул пепел в жестянку из-под кофе. – В гости к нам?

– Да вот.

На столе у вахтера стоял не виданный Алексеем Степановичем приемник. Большой, деревянный, со стеклянной шкалой, за которой мерцал зеленый свет. Вахтер повернул черную ручку, и приемник тихо заговорил. Алексей Степанович вызвал лифт и сказал:

– Какой у вас приемник.

– Не видал такой?

– Нет.

– Мало жил.

Не так уж и мало, – подумал Алексей Степанович, глядя на себя в зеркальную стену лифта, – с другой стороны – все еще впереди.

Алексей Степанович вздохнул, опустил воротник и расстегнул тяжелое пальто. Снял кепку. Лифт встал.

На дерматиновых дверях была надпись: "Посторонним вход воспрещен". Алексей Степанович отворил двери и вошел в темный узкий коридор. Пахло ванильными булочками. За столом у стены несколько человек пили кофе.

– Привет, – сказал Алексей Степанович.

– Привет, – ответили они.

– Лешенька! – воскликнула немолодая маленькая женщина. – У нас сливки есть сегодня. Садись.

Алексей Степанович снял пальто и перекинул через спинку свободного стула. Озябшими руками он взял горячую чашку. Он ничего не говорил, его ни о чем не спрашивали. И опять он представлял себя невидимкой, слушающим не касающиеся его разговоры.

Говорили примерно вот что: ну вот и закончился год, и завтра будем уже встречать новый, надо приготовить что-нибудь необычное, салат из курицы с грибами. На работу выходить десятого. Десять свободных дней – это прекрасно, можно поехать на дачу и жить там, топить печь, ходить на лыжах. Звонил где-то телефон. Время шло. Из-за стола вставали и уходили.

За столом остались Алексей Степанович и немолодая женщина.

Алексей Степанович встретился с ней глазами.

– Как твои дела, Лешенька?

– Ничего.

– Нашел что-нибудь?

– Ничего.

– А искал?

Алексей Степанович промолчал.

– Кофе еще будешь?

– Пожалуй.

– С утра ничего не ел, я думаю.

– У вас как дела, Надежда Васильевна?

– Ничего. Петька четверть с двумя тройками кончает. Зрение у меня все хуже. Говорят, скоро еще сокращение будет. Теперь я – первый кандидат... Знаешь, Лешенька, – сказала она вдруг совсем тихо, и Алексей Степанович поднял глаза. Они были совсем одни в темном коридоре. Из приоткрытых дверей падал свет.

– ... Мы ведь с тобой последний раз видимся в этом году. И потому давай выпьем за новый, хотя бы кофе выпьем. Я тебе скажу пожелание. Чтобы ты нашел себе хорошую работу, а для этого надо ее искать, надо, Лешенька, что же делать, надо ходить, думать, действовать. Скажи по чести, ты хоть куда-нибудь обращался за этот месяц?

Дома не знали, что Алексея Степановича сократили. Он вставал, как обычно, в пять тридцать. Он любил вставать, когда все в доме еще спят, даже в выходные дни. Ополоснув ледяной водой лицо, ставил чайник. Варил геркулес в маленькой кастрюле. В шесть пятнадцать включал радио, подводил часы. Радио будило мать и сына, пятилетнего Ванюшку. Они шли сонные к нему на кухню. Он заваривал пузатый чайник, ставил каждому чашку. Кашу они не ели в такую рань, а чай свежий за компанию с ним выпивали. Ванюша с молоком, а мать так, без сахара, разлюбила к старости сладкое.

Когда Алексей Степанович уходил, они глядели ему вслед в окошко.

Он оборачивался и махал им рукой.

Зима была сумрачная. Алексей Степанович заходил в магазины, в большие магазины, теплые. Заглядывал в витрины. Когда уставал, спускался под землю и там сидел до без четверти час, подобрав длинные ноги. Ему бы просидеть так лет пять и выйти, когда все уже о нем позабудут. Он был никто, нигде не значился, он был свободен.

Он сидел и упорно думал о себе. Был он уже не молод, но еще не стар. Он мог еще выучиться какой-нибудь профессии, например, водить машину, как мечтал когда-то школьником в Чите. Ванюшке бы это понравилось. А мог бы одолжить денег у Надежды Васильевны и выучить немецкий язык и переводить с немецкого страшные готические романы. Мать была бы первая читательница. Можно даже поступить в институт и стать студентом, а по вечерам грузить на Москве-сортировочной вагоны.

- Кто я? что я могу? – Алексей Степанович кусал губы. – Я даже плавать не умею, только ходить. Я не знаю нотной грамоты, я не могу ответить сыну, как устроен мир.

Горькие были мысли, невозможно было выйти из их круга.

Сынок рисует, а мне запах краски нравится, мне бы попробовать тоже рисовать...

В обеденный перерыв он приходил на свою прежнюю работу. Пил с прежними товарищами кофе. Они расспрашивали, как дела, давали советы, телефоны знакомых, глядели сочувственно, виновато, отстраненно и – осуждающе. Он должен был уже что-нибудь предпринять.

Расходились по рабочим местам. Он сидел еще некоторое время в темном коридоре. Вставал, мыл посуду, стряхивал крошки с клеенки, одевался, уходил, мотался по Москве до шестичасовой электрички.

– Куда сейчас? – спросила Надежда Васильевна.

– Куплю чего-нибудь к празднику. Ванюшке книжек с картинками, хорошей бумаги для рисования и машину, чтобы дверцы открывались, а колеса – на резине, матери жилет посмотрю шерстяной.

– Деньги-то есть?

– Под сокращение много дали.

– Могу одолжить.

– После, Надежда Васильевна, дай вам Бог здоровья. и альбом для рисования Ванюшке и машину на резиновом ходу.

Народ был кругом праздничный, бойкий.

Не видимый никому Алексей Степанович вышел на площадь Ярославского вокзала. Зимние дни коротки, пришла уже ночь.

Топтались у табло старухи со страшными лицами, шептали в уши:

– Водочки не желаете, молодой человек?

В темноте было плохо видно, и Алексей Степанович подошел к табло вплотную. Про его электричку не было сообщения. Он протиснулся к доске объявлений. Ничего не разглядел, и тут сказали по громкоговорителю, что его электричка отменяется.

Алексей Степанович побрел с двумя сумками вдоль платформ. На последней готовился к отправлению скорый поезд. Горели в вагонах желтые огни, из печей шел дым. Падал мокрый тяжелый снег, и Алексей Степанович спрятался под навес на платформе.

Он купил зачем-то апельсины. Матери – четыре мотка шерсти на жилет; гуашь. Поезда были чистые, синие, окна – с белыми занавесками.

Фирменный поезд. "Москва – Чита". У Алексея Степановича заныло сердце. До следующей электрички был час. Ноги дрожали от усталости, руки с сумками окоченели. Проводницы не было у открытых дверей. И Алексей Степанович, оглянувшись, вошел в вагон.

Купе проводников было заперто. От титана шел жар. В коридоре лежала чистая узкая дорожка. Алексей Степанович отряхнул ноги и пошел по ней.

Он вошел в последнее купе и сел на мягкое сиденье у окна. Сумки поставил рядышком. В вагоне было так тепло, так тихо, что самому не хотелось шевелиться. В вазочке на столе стояла хвойная ветка.

Из коридора слышались голоса, грохот поклажи – начали входить пассажиры. Как будто Алексей Степанович сидел в потайной пещере. Время шло, а он все был один. Обогрелся. Даже снял кепку и положил на колени, то есть – пошевелился. В окно он видел темную платформу, свет фонарей, подвижные тени людей. Хорошо быть пассажиром.

Стучат колеса, катит поезд, земля летит, а ты закрываешь глаза.

Чьи-то шаги приближались. Алексей Степанович замер. Полуоткрытая дверь откатилась, и в купе вошел большой, в куртке нараспашку, человек. Он был похож на летчика-героя из старого фильма.

Поздоровался, поставил сумку на сиденье у стены, скинул куртку, достал из кармана джинсов белый платок и вытер лицо. Он сел напротив Алексея Степановича, расставив ноги, и – как будто задумался. Дышал он шумно, как после бега. Одет был удобно, чисто, выбрит – гладко и еле слышно пах хорошим одеколоном.

– Далеко вы едете? – спросил он вдруг Алексея Степановича.

– Да, – сказал Алексей Степанович.

– Храпите?

– Нет.

– Шампанское любите?

– Не особенно.

– Ну вот здравствуйте! Как же Новый год без шампанского? Неужели не выпьете за встречу один бокал? Или вы водку предпочитаете?

– Лучше шампанское.

– Слава Богу. Вы не болтливы, кажется?

– Да вроде.

– Других слушать любите? Некоторые очень любят разные истории слушать в поездах.

– Не знаю.

– Ну посмотрим. А в общем, вы, по-моему, идеальный попутчик. Давайте представимся. Я – Константин Григорьевич, журналист.

– Алексей Степанович, безработный.

Они пожали друг другу руки.

– Москвич?

– Почти.

– То есть?

– Недалеко от Москвы живу.

– А в Чите у вас кто?

– Все. – Алексей Степанович опустил глаза, не желая больше говорить.

Журналист понял. Он вынул из сумки очки, пачку газет, маленький приемник, шампанское. Приемник и шампанское поместил на столе. Надел очки, развернул газету... За несколько минут он стал приятен Алексею Степановичу. Алексей Степанович мог думать в его присутствии о своем.

Когда-то, тридцать лет назад, действительно были все в Чите, и мать, и отец, и приятели, и сам он там был тридцать лет назад.

Журналист перевернул страницу и сказал:

– Ну вот.

Алексей Степанович поднял голову. Платформа за окном медленно и тихо уходила назад. Алексей Степанович как будто совсем потерял силы быть реальным человеком, будто все происходило не с ним, как будто не он сидел незаконно в скором поезде.

Поезд набирал скорость. Алексей Степанович сидел неподвижно и глядел в окно. Уже Москва-третья осталась позади. Колеса загрохотали – поезд гнал. Через полчаса он проскочит полустанок, где в маленькой квартире ждут Алексея Степановича мать и сын.

В купе вошла проводница в черной форме.

– Ваши билеты, граждане.

Алексей Степанович не шевелился. Журналист достал свой билет из синего джинсового кармана.

– Возьмите, голубушка. Чаем нас будете угощать?

– Обязательно. Постель брать будете?

– Как вас зовут, милая?

– Оля.

– Постель будем брать, Оленька. Меня Константином Григорьевичем зовут.

– Очень приятно.

Проводница смотрела на Алексея Степановича.

– Я без билета, – сказал Алексей Степанович.

– Что? – не поняла проводница.

– Так получилось. Но я могу купить. Прямо сейчас.

– Я билеты не продаю, – хмуро сказала проводница, – я сейчас бригадира вызову..

– Голубушка, – вмешался вдруг журналист, сквозь очки с большим интересом наблюдавший за Алексеем Степановичем. – Вы можете связаться со следующей станцией и заказать ему билет.

– Все-то вы знаете.

– Я должен все знать. Давайте деньги, – приказал он Алексею Степановичу, и Алексей Степанович поспешно вынул из внутреннего кармана пальто кошелек.

Отсчитали на билет до Читы.

– Постель брать будете?

– Да.

– Чай?

– Да.

– Бригадиру я все равно должна доложить, – сказала она журналисту.

– Докладывайте, – улыбнулся журналист, – что ж делать.

Проводница поднялась.

– Простите, – тихо сказал Алексей Степанович, – а телеграмму можно послать? Со станции.

– Конечно, – сказал журналист.

Текст телеграммы был следующий: "НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ВЫНУЖДЕН ЕХАТЬ ПОЗВОНЮ АЛЕКСЕЙ".

Алексей Степанович не видел, как проскочили его полустанок.

Когда проводница вышла, поезд подходил к Загорску.

До Читы ехать четверо с лишком суток. Через Оку, Волгу, Енисей, Обь. Через леса, степи, горы, мимо озера Байкал, самого глубокого в мире.

Иногда они с журналистом выходили из теплого вагона и поражались чистоте снега и воздуха. Покупали у старух на полустанках горячую картошку и соленые огурцы. Картошку старухи держали в кастрюлях, укрытых в теплые одеяла.

И вот поезд ехал среди зимы, а они сидели в купе друг против друга и ели горячую с дымом картошку. Проводница приносила чай в граненых стаканах в подстаканниках, приемник говорил по-английски, – журналист учил язык, читал английскую книжку с видами старинного Лондона, иногда вслух. Алексей Степанович понимал мало. С другими пассажирами Алексей Степанович не знакомился.

На четвертые сутки, к ночи, когда уже зажегся в купе синий сумрачный свет, и они забрались под теплые одеяла, Алексей Степанович спросил:

– Вы в Чите давно были?

– В прошлом году.

Алексей Степанович молчал.

– Спите? – спросил журналист.

– Нет.

Поезд шел ровно.

– Город как город, – сказал журналист. – Сопки. Вы где там жили?

– В центре. Напротив танка.

– Танк стоит.

Алексей Степанович молчал, и журналист закрыл глаза. Алексей Степанович долго не мог уснуть.

Прибыли к вечеру.

В Москве все черно в этот час, а здесь светло от чистого снега. И прожектора на вышках горели ярко. Поезд встал у первой платформы. Алексей Степанович был уже одет и готов к выходу.

Журналист искал очки. Они лежали на верхней полке под светильником.

– Ну что ж, – сказал журналист, спрятал очки и взял сумку.

Алексей Степанович посторонился.

– Не ждите меня.

– Что такое?

– Я позже.

– Ну что ж, – журналист поглядел на Алексея Степановича и вышел из купе.

Обернулся:

– До свиданья.

– До свиданья.

Полная тишина воцарилась в вагоне. Тогда Алексей Степанович взял свои сумки (апельсины все были съедены).

Он прошел пустым коридором по узкой дорожке. В отворенные двери шел морозный воздух и звуки: невнятный голос диспетчера, гудок машины, дальний ход поезда, женский смех. Алексей Степанович спустился по железным ступеням, прыгнул, поскользнулся на льду, упал.

Он очнулся в воздухе. Заплакал. Его поставили на обледеневший асфальт.

Мужчина в железнодорожной форме сел перед ним на корточки, заглянул в глаза.

– Ну ничего, подумаешь, до свадьбы заживет. Покажи-ка лоб.

Его прикосновение было горячим.

– Где ты живешь? Где твои родители?

Мокрое от слез лицо жгло на морозе.

– Проводить тебя до дому?

– Нет. – Он вытер нос рукавицей.

– Ты уверен?

– Я рядом живу. Я здесь всегда гуляю.

Будто во тьме самой глубокой памяти вспыхнул свет, и разом выступил весь этот город, и каменная мрачная гостиница, и вкус сладкого печенья в ее буфете, и молочный магазин на углу, и стеклянные бутылки в проволочных ящиках, и лицо продавщицы за витриной, и этот сквер, и весь в серебряном инее танк на огромном, как скала, постаменте, и тополь у ворот, и этот дом, и этот узкий, как колодец, подъезд с жаркими чугунными батареями под замерзшими окнами.

Дверь. Звонок. "Мама!"

Уже пришли первые гости. Мать поставила на стол лимонный пирог.

Отец курил на балконе с Федором Николаевичем. Их длинные шинели висели в прихожей. У окна под самый потолок стояла елка. Алеша еще не знал, что это не елка, а молодая сосна. На макушке горела звезда, горели цветные лампочки, сверкала серебряная мишура, стеклянные шары, грецкие орехи в золотой фольге...

– Утром под елкой будут подарки, Дед Мороз приходит ночью, когда дети спят. – Мать уводила его в спальню... Он не хотел уходить ото всех, капризничал. Постель уже была разобрана. Мать уложила его, поцеловала. От нее пахло вином. Вышла, прикрыла дверь. Стало темно и тихо.

Алексей Степанович был сам собой и этим мальчиком одновременно, но мальчик не знал о его существовании. Мальчик должен прожить тридцать лет, чтобы узнать.

- Тридцать лет, – думал Алексей Степанович, – за эти годы я что-нибудь придумаю.

Вариант 2

Внимательно прочтите стихотворение и дайте его целостный анализ. Определите тему и идею предложенного произведения, охарактеризуйте его сюжетно-композиционные, ритмические и языковые особенности. Какой основной художественный прием лежит в основе этого стихотворения? Как вы понимаете заключительные строки стихотворения?

Максимальный балл – 70 баллов

И тьма грозы, и света всхлип, и снова
об ветер в муке бьётся мокрый куст,
как Лермонтов, не находящий слова,
косноязычен и молниеуст.

И метрах в трёх от тяжких эшелонов
тоскливый взгляд сквозь сердце пролетит
там беззащитно, как Андрей Платонов,
обломанная яблоня глядит.

И двойствен мир. И это – не подмена.
И в Комарове властвует весна,
а в стороне, прекрасна и надменна,
стоит она – Ахматова, сосна.

Не камень, а живая жизнь – святыня.
Душа не расточается во тьму.
Моя страна отныне не пустыня.
И я вам объясняю, почему...

Сергей Белозеров (1948-2002)

Критерии оценки аналитического задания

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту.

Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения.

Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трех ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Вам, конечно, известно такое явление, как fan fiction («любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных произведений, произведений киноискусства, комиксов» и т.д.), по определению Википедии). Одним из видов фанфиков является фанфик-кроссовер, сводящий в одном тексте персонажей разных произведений. Нечто подобное существует и в «высокой» литературе (диалог Кармен и Дон-Жуана у Цветаевой, например). Кого из персонажей русской и европейской литературной классики вы хотели бы «познакомить»? О чем они могли бы говорить? Придумайте и опишите подобную встречу.

Время работы – 1,5 часа.

Максимальный балл – 30 баллов

Критерии оценки творческого задания

Задание должно выявить творческие способности школьника, умение создавать разные по жанру и стилю тексты, готовность решать нестандартные (с точки зрения школьного обучения) филологические задачи. Ученик выступает здесь в необычной для себя роли, что требует филологической подготовки, широкого литературного и культурного кругозора, языкового чутья и художественного вкуса. И фантазии, конечно!

Задание оценивается по следующим критериям:

1. Цельность, композиционная стройность созданного текста; понимание поставленной задачи и умение работать в предложенном направлении.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10

2. Свежесть идеи, остроумие, оригинальность замысла.

Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 - 7 – 10

3. Адекватность и точность выбора языковых средств для выражения собственной мысли.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

4. Связь с избранными для творческого задания текстами, соответствие внешности, поведения, речи героев тексту-источнику, эпохе, авторскому замыслу.

Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5

Максимальный балл за задание – 30

Итого за работу в целом: максимальный балл – 100 баллов